

П. А. Самоделкин

Польша в системе международных отношений на европейском континенте в конце 1930-х гг.

В статье рассматривается положение II Республики Польша в системе международных отношений после Первой мировой войны, а также причины ее падения в 1939 году.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика Польши, пакт Риббентропа-Молотова, восточные крессы, Тешинская Силезия, политика умиротворения, Юзеф Бек, система коллективной безопасности.

P. A. Samodelkin

Poland in the System of International Relations on the European Continent at the end of 1930-s

The article deals with the position of Poland in the international political system after the World War I and shows the causes of its decline in 1939.

Keywords: international relations, foreign policy of Poland, Molotov-Ribbentrop Pact, Eastern Kresy, Tesin Silesia, the policy of appeasement, Jozef Beck, a system of collective security.

Принято считать, что расстановка сил на международной арене в последней четверти 1930-х гг. обусловила процесс нарастания кризиса Версальско-Вашингтонской системы [26, с. 43]. В статье обосновывается мнение, что указанный «кризис» мог предполагаться заранее, а сама система создавалась под него или, по крайней мере, не исключала его наступления. Ненадежность Версальско-Вашингтонской системы могла быть не просто сбоем или браком в работе архитекторов мира – победителей Первой мировой войны, а вполне спланированным шагом. Посему и «кризис», и сложившаяся расстановка сил на международной арене в конце 1930-х гг. – это результат запрограммированности послевоенной международной системы.

Вот мнение известных российских историков: «Версальский договор 1919 г. стал смертным приговором для балтийско-черноморской системы. Германия, не входя ни в какую систему, постепенно подчиняла себе в том или ином отношении страны-лимитрофы» [21, с. 7]. Иными словами, Версальская система не несла в себе цели сохранения мира в Европе, а наоборот, «предполагала» неизбежность военных конфликтов.

Из этого тезиса следует предположение, что безрезультативность всех попыток преодолеть «нарастание кризиса» или «сложившуюся расстановку сил на международной арене», с одной стороны, косвенно доказывает неспособность Версальской системы сохранить мир в Европе. С

другой стороны, если установление такой системы было выгодно архитекторам мира, то это значит, что и попытки сохранить мир были фарсом.

Рассмотрим некоторые исторические факты. Четвертого апреля 1938 г. заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин написал советскому полпреду в Париже Якову Сурицу: «Германия толкает Польшу на конфликт с СССР. Гитлер уверен, что наши войска одержат над Польшей победу. Когда мы займем некоторые части Польши, Германия сделает то же самое со своей стороны. Фактически, реализуя план Германии, Польша готовит себе четвертый раздел и потерю национальной независимости» [5, с. 175]. Польский историк С. Дембский на этом основании пишет, что Потемкин был приверженцем раздела Польши и, более того, в ноябре 1938 г. в беседе с французским послом в Москве Роббером Кулондром он «предсказал» раздел польского государства. Впоследствии эта мысль в неверной трактовке была взята на вооружение польскими историками для того, чтобы подчеркивать, что внешняя политика СССР того времени была направлена «против интересов Польши» [25, с. 247].

Летом 1938 года нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов стал «инициатором советского дипломатического демарша в связи с возможностью выступления Польши против Чехословакии», чтобы «припугнуть Польшу, заставить Францию определить свое отношение к Польше и действительно оказать некоторую по-

мощь, хотя бы дипломатическую, Чехословакии» [16, с. 130]. Второго сентября 1938 г. Литвинов заявил французскому поверенному в делах в Москве Ж. Пайяру, что «при условии оказания помощи Францией» СССР готов выполнить все обязательства по советско-чехословацкому пакту [16, с. 131–132]. Историк М. М. Наринский считает, что «тем самым Советский Союз напоминал о своей собственной позиции» [16, с. 130].

В советское время считалось, что, несмотря на «враждебную позицию польского правительства в отношении к СССР, советское правительство продолжало добиваться установления добрососедских отношений на основе взаимности» [19, с. 44]. Политика СССР того периода зачастую представляется безупречной и современным российским историкам [15; 17; 14; 11].

В ответ на советский демарш польские политики заявили, что не пропустят советские войска через польские границы, а самолеты будут сбиты, если попытаются пересечь воздушное пространство страны. К 11 октября 1938 года в результате военной операции Польша оккупировала часть Чехословакии и присоединила к себе Тешинскую Силезию. Никакой военной и дипломатической помощи со стороны СССР и Франции в поддержку Чехословакии не последовало.

Налицо топтание на месте как советских, так и французских политиков. По крайней мере, указанная инициатива Литвинова никакой реальной пользы Чехословакии не принесла, коль скоро речь идет о сохранении ее национальной безопасности и государственной целостности. Не исключено, что советский интерес в данном вопросе заключался в чем-то ином.

Если в Кремле полагали желательным припугнуть поляков, используя для этих целей Францию, то там, несомненно, понимали, что лучше бы это получилось напрямую у французских политиков, без каких бы то ни было опосредованных намеков и доведения до сведения собственной позиции, и без того явно и недвусмысленно объявленной ранее. Тем более что советский полпред в Варшаве Яков Давтян еще в мае 1937 года сообщал в Москву, что в польско-советских отношениях «приходится отмечать их дальнейшее ухудшение». Невообразимым представляется улучшение этих отношений после 1938 года, когда польские политики решили при помощи силы, угроз и ультиматумов «возвратить» себе Виленщину и Тешинскую Силезию.

Действия или бездействие французской стороны в историографии объясняются проведением

Францией и Великобританией так называемой политики умиротворения Германии, согласно которой Даладье и Чемберлен были заинтересованы в отводе немецкой агрессии на восток. Тогда возникает вопрос: а зачем Франции нужно было заключать договор с Чехословакией? Советский полпред в Лондоне И. М. Майский в своем личном дневнике 21 сентября дал весьма эмоциональный ответ на этот вопрос, сделав запись: «Нет предела англо-французской низости!» [10, с. 275]. В чем именно заключалась эта низость, не поясняется. Вполне возможно, что слова советского дипломата не подразумевали того, что СССР пытался как-то предотвратить усиление Германии. Их можно воспринять как проявление обиды на европейских коллег, не пожелавших быть с ним до конца искренними в чехословацком вопросе. Примечательно, что в октябре 1938 года он сообщил в Москву о словах Дэвида Ллойда-Джорджа о том, что «западные “демократии” понесли жестокое поражение» [16, с. 136]. В чем именно оно заключалось, если в результате мюнхенских договоренностей Германии удалось реально направить на восток? И почему в этом случае не говорилось о поражении советской дипломатии?

Ситуация несколько проясняется, если предположить, что одним из объектов устремлений западных демократий в период разрешения чехословацкого кризиса могло служить чехословацкое золото, точнее, золото Российской империи, вывезенное из России Чехословацким корпусом. Вероятно, оно и представляло если не главный, то, по крайней мере, весьма существенный интерес для Франции и Великобритании в данном противостоянии. Вернувшись на родину, чешские легионеры создали в 1919 году «Легион банк» (Banka Československých legií), который стал крупнейшим банком в Чехословакии. Его золотые запасы были захвачены немцами во время оккупации Чехословакии. Акция была организована Банком международных расчетов. Немцы, после вступления в Прагу, перевезли 23 тонны золотых слитков из Национального банка Чехословакии в хранилище Рейхсбанка. Имелись планы переправить золото в Великобританию, но оно так и осталось на территории III рейха, что свидетельствовало о большом успехе Германии и, говоря словами Черчилля, об «очевидном несчастье» Великобритании. По другой информации, часть золота предполагалось доставить в США [27, с. 65–67], чего также не произошло.

После захвата Тешинской Силезии польскими войсками отношения между Варшавой, с одной стороны, и Парижем, Лондоном и Москвой, с другой, резко ухудшились. Но, тем не менее, британцы все-таки предоставили гарантии безопасности польской стороне.

31 марта 1939 года премьер-министр Н. Чемберлен заявил о необходимости поддержать Польшу, если какая-либо страна будет угрожать ее независимости [3, с. 350–351]. 13 апреля того же года Франция и Польша взяли на себя взаимные гарантии «против любой прямой или косвенной угрозы, которая нанесла бы ущерб их жизненно важным интересам» [3, с. 379].

Странно получается, сначала в Париже и Лондоне в резкой форме выразили недовольство действиями польских властей, а спустя пять-шесть месяцев изменили свое мнение. А вот подписать декларацию между СССР, Англией, Францией и Польшей так и не получилось. В Варшаве не считали нужным подписывать какие-либо соглашения с Германией против СССР или с СССР против Германии. Советский полпред Я. З. Суриц 14 апреля телеграфировал из Парижа в Москву слова Э. Даладьё о том, что такая политика Польши приведет к разгрому страны [8, с. 71]. 10 мая заместитель наркома внутренних дел Потемкин в ходе беседы с Юзефом Беком подчеркнул, что «СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала» [3, с. 444]. 11 мая польский посол в Москве Вацлав Гжибовский заявил Молотову о невозможности заключения Польшей пакта о взаимопомощи с СССР [19, с. 44].

Сейчас многие историки допускают, что польские руководители в тот момент совершили просчет: отказ от подписания пакта о взаимной помощи с СССР только ускорил начало Второй мировой войны.

Польский историк Захариас считает, что Юзеф Бек «не предусмотрел, что Россия не даст себя изолировать и что возникнет коалиция, которая не будет той, о которой он думал» [9, с. 230]. Выражаясь точнее, он не думал, что советские политики пойдут на сближение с Германией. Получается, что автор критикует министра Бека, который действовал исходя из национальных интересов, обеспечивая «самостоятельность внешней политики» [5, с. 168] II Республики Польши.

Просчет действительно мог быть только в одном – Бек слепо верил в поддержку со стороны Франции и Великобритании. Однако, как извест-

но, реальной помощи в начале Второй мировой войны Польша так и не получила. Документы, которые как-то помогли бы засвидетельствовать причину такой доверчивости в отношении западных партнеров, отсутствуют. Однако Бека можно понять, исходя из обоснованности его опасений, что Польша может потерять национальный суверенитет, армию и казну. И здесь вовсе нет повода и оснований для обвинения Бека и его министров в подозрительности и несговорчивости. Польша проводила самостоятельный политический курс на международной арене и стремилась себя обезопасить и сохранить.

Есть мнения, что пакт Риббентропа-Молотова является «успехом советского руководства, которое смогло достичь своих целей» [13, с. 68–69]. Иногда отмечается, что советско-германский пакт был тактическим успехом Сталина, а курс на сотрудничество с Берлином стал его стратегическим просчетом, когда «тактические успехи обернулись стратегическими просчетами» [16, с. 159; 20, с. 19].

В польской историографии можно встретить мнение, что СССР стремился возродить великую империю, что было источником советского ревизионизма [23, с. 393; 6, с. 395] и стремления пересмотреть Версальскую систему [5, с. 173].

Эти точки зрения верны, если рассматривать внешнюю политику СССР, исходя из его геополитических установок, решимости защитить собственные национальные интересы или восстановить былое влияние на приграничных территориях. Поэтому часто делаются выводы, что советская политика была направлена на уничтожение Версальской системы, создание системы коллективной безопасности и усиление позиций СССР в Европе, тогда как Польша этому противилась.

Выше отмечалось, что Версальская система была неидеальной, она породила территориальные и приграничные споры в Европе и привела к глобальному международному конфликту. Тем не менее, до самого последнего времени для объяснения истоков войны используются тезисы современных польских историков о том, что СССР, якобы как деструктивный субъект международных отношений, стремился помешать польским властям в проведении национальной политики, а также тезисы отечественных исследователей о том, что «клика Бека» воспротивилась установлению системы коллективной безопасности в Европе.

Правильно заметил М. М. Наринский, что в 1939 году Советскому Союзу не грозило вести войну на два фронта: с Германией и Японией, не было прямой угрозы и от каждого из этих государств в отдельности. Также не выдерживает критики тезис о внешнеполитической изоляции СССР, выдуманный советскими историками [16, с. 160].

За тезисом о преследовании национальных и стратегических интересов могли скрываться совершенно иные устремления. Предположения о том, что, заключая пакт Риббентропа-Молотова, Сталин попытался предотвратить очередной Мюнхен, выглядят слишком униженно и неправдоподобно. «Благое намерение» такого рода непременно вело к уничтожению польской государственности. Очевидно, советские руководители стремились попасть на территорию Польши и приблизиться к Варшаве, используя для этих целей любые средства: от системы коллективной безопасности до пакта с Германией, против которой предполагалось использовать эту систему.

Для подписания пакта с Германией советскому руководству пришлось назначить нового наркома иностранных дел: наркома Литвинова сместили с поста [7, с. 327] незадолго до визита немецкого дипломата министра Иоахима фон Риббентропа в СССР. В Москве его встречали В. Молотов и зам. наркома иностранных дел В. П. Потемкин. По мере углубления советско-германской дружбы Литвинов терял посты, уходил в тень. И война с Германией не вернула ему былого влияния.

Настало время, чтобы объединить ряд тезисов: 1) Версальская система не имела внутренней прочности и способствовала наступлению военных конфликтов; 2) Германия, СССР, Франция и Великобритания позволяли себе одновременно критиковать политический курс Польши и в то же время стремились к контролю над его правительством и территорией; 3) разговоры о коллективной безопасности во второй половине 1930-х гг. имели преимущественно пропагандистское, а не практическое значение.

Военная оккупация Польши в первой половине сентября 1939 года не повлекла за собой вмешательства Франции и Великобритании. Наоборот, реакция этих стран и США оказалась сдержанной. По сообщению из Лондона 20 сентября 1939 г. Майского, английское руководство было довольно выходом РККА на польско-румынскую границу. В Великобритании никто серьезно не думал «о включении в будущую Польшу ото-

шедших к СССР областей» [7, с. 180]. Британские политики, в том числе Уинстон Черчилль, заверили советскую сторону, что «между Великобританией и СССР нет никаких существенных вопросов, касающихся польского конфликта» [12, с. 220]. В Лондоне точно считали, что возврат западных частей Украины и Белоруссии Польше невозможен [12, с. 196]. 26 октября 1939 г. министр иностранных дел Эдуард Вуд Галифакс, выступая в Палате лордов, заявил, что СССР занял территории до линии, которая была рекомендована лордом Керзоном [7, с. 234]. Гораций Вильсон, главный советник Чемберлена, 27 октября сказал, что «Польша должна бы быть восстановлена как самостоятельное государство на своей этнографической базе, но без Западных Украины и Белоруссии» [7, с. 242].

Легко заметить, как британцы быстро согласились с включением в состав СССР белорусских, украинских и литовских территорий. Мнение французской стороны ничем не отличалось от мнения британцев. 30 сентября 1939 г. советский полпред во Франции Яков Суриц сообщил Молотову, что «о восстановлении прежней Польши никто серьезно, по-видимому, уже не думает» [7, с. 144]. 5 октября он передал в Москву слова Эдуарда Даладье и Чемберлена о том, что Польша не являлась главной причиной войны, объясняя это нежеланием западных политиков связать себя с обязательством восстановить Польшу после войны в прежних пределах [7, с. 165]. В ноябре того же года Чемберлен и Даладье ясно дали понять польскому премьеру Владиславу Сикорскому и главе польского МИДа Залескому, что о возвращении Западной Украины и Западной Белоруссии не может быть и речи [7, с. 392–393].

Ситуация очень странная, ведь 25 августа 1939 года, то есть за несколько дней до начала Второй мировой войны, британцы заключили с поляками военно-политическое соглашение о взаимопомощи. Однако осенью же того же года, вместо оказания оговоренной военной помощи, видные политические деятели Великобритании заявили о справедливости линии Керзона и обоснованности вхождения РККА в так называемые «восточные кресы».

Американский посол в СССР Лоуренс Штейнгардт в письме Рудольфу Шоенфельду от 9 декабря писал, что «не смог понять, почему в Лондоне не понимали», что переговоры между Москвой и Берлином не были искренними [4, с. 156]. Он также не мог понять, почему англича-

не не предвидели такой поворот событий, а сотрудники Госдепартамента усомнились в обоснованности его прогноза (письмо от 16 августа 1939 г.), в котором он предупреждал о готовившемся заключении германо-советского пакта о ненападении [4, с. 155]. Его удручала ситуация, когда советские власти в середине сентября 1939 г. закрыли доступ к информации о польских беженцах, польских офицерах и личном имуществе американского посла в Польше Энтони Биддла, который к этому моменту уже был в Париже [4, с. 165; 24, с. 111, 136].

Рассматривая вопрос оккупации Польши, нельзя не затронуть вопрос вывоза польского золота из страны. 16 сентября 1939 г. польское золото было переправлено в румынский порт Констанца, в Стамбул (19 сентября), а затем – в Бейрут (Ливан), где оно было загружено на французские военные корабли и доставлено во Францию (хранилось в Банке Франции). После немецкой оккупации Франции оно было транспортировано во Французскую Западную Африку, а в 1944 году переправлено в США [22, с. 443–444, 1266–1267].

В транспортировке польского золота, безусловно, можно видеть акт спасения польского золотого запаса. Однако также следует засвидетельствовать, что с середины сентября 1939 года польское правительство фактически перестало им обладать.

Объем золотого запаса Польши, вывезенный из страны в 1939 году, сопоставим с величиной кредитов, взятых польским правительством у США начиная с 1925 года, и стоимостью вложений, сделанных американскими корпорациями для развития ряда отраслей экономики Польши.

Забота американцев о сохранении польского золота на фоне безразличия о сохранении независимости и территориальной целостности этой страны, в равной степени продемонстрированной Лондоном, Парижем и Вашингтоном, во многом объясняет мотивы поведения политиков и дипломатов США, Франции и Великобритании. Она характеризует определенные признаки всей архитектуры мира перед Второй мировой войной и указывает место и роль Польше в системе международных отношений в межвоенный период, определить которые можно одним словом – обреченность.

Библиографический список

1. 1939 год. Уроки истории [Текст] / отв. ред. О. А. Ржешевский. – М., 1990.

2. Война и общество в XX веке [Текст] : в 3 кн. Книга 2 / Руководитель проекта О. А. Ржешевский. – М., 2008.

3. Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. – Т. 1. – Док. № 245.

4. Данн, Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве [Текст] / Д. Данн. – М., 2004.

5. Дембский, С. Происхождение Второй мировой войны [Текст] / С. Дембский // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М., 2010.

6. Документы внешней политики СССР [Текст]. – Т. XXIII. Кн. 1.

7. Документы внешней политики, 1939. – Т. 22. – В 2 кн. Кн. 2: Сентябрь – декабрь [Текст]. – М., 1992.

8. Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939 гг. [Текст] : в 2-х томах. Т. 2. – М., 1981.

9. Захариас, М. Предпосылки и мотивы политики Ю. Бека в 1939 году [Текст] / М. Захариас // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия : сб. ст. – М., 2001.

10. Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата [Текст]. – Лондон, 1934–1943. Кн. 1: 1934 – 3 сентября 1943.

11. Кульков, Е. Н. Война 1941–1945. Факты и документы / Е. Н. Кульков, М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский ; под ред. О. А. Ржешевского. – М., 2001.

12. Лебедева, Н. С. Польша между СССР и Германией. 1939–1941 [Текст] / Н. С. Лебедева // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М., 2010.

13. Мельтюхов, М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 [Текст] / М. И. Мельтюхов. – М., 2002.

14. Мировые войны XX века. Книга 3. Вторая мировая война. Исторический очерк [Текст] / отв. ред. Е. Н. Кульков. – М., 2002.

15. Мюнхен – преддверие войны. Исторические очерки [Текст] / отв. ред. В. К. Волков. – М., 1998.

16. Наринский, М. М. Происхождение Второй мировой войны [Текст] / М. М. Наринский // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. – М., 2010.

17. Сиполс, В. Я. тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941 [Текст] / В. Я. Сиполс. – М., 1997.

18. Фальсификаторы истории (Историческая справка) [Текст]. – М., 1948.

19. Фомин, В. Т. Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. [Текст] / В. Т. Фомин. – М., 1952.

20. Чубарьян, А. О. Советская внешняя политика (1 сентября – конец октября 1939 года) [Текст] / А. О. Чубарьян // Война и политика. – М., 1999.
21. Яжборовская, И. С. Катинский синдром в советско-польских и российских отношениях / И. С. Яжборовская, А. Ю. Яблоков, В. С. Парсаданова. – М., 2009.
22. FRUS, 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, The Far East. – Vol. III.
23. Furet F. Przeszość pewnego złudzenia, Esej o idei komunistycznej w XX w. Warszawa, 1996. – S. 393.
24. Grzełoński B. Dyplomaci USA 1919–1939. Pułtusk. – 2004.
25. Kornat M. Polska 1939 r. wobec Paktu Ribbentrop-Mołotow. Warszawa, 2002.
26. McDonough F. The Origins of the First and Second World Wars. – N. Y., 1997.
27. Żurawski vel grajewski R. P. Brytyjsko-czechosłowackie stosunki dyplomatyczne (październik 1938 – maj 1945). Warszawa. – 2008.
10. Ivan Mikhajlovich Majskij. Dnevnik diplomata [Tekst]. – London, 1934–1943. Kn. 1: 1934 – 3 sentyabrya 1943.
11. Kul'kov, E. N. Vojna 1941–1945. Fakty i dokumenty / E. N. Kul'kov, M. YU. Myagkov, O. A. Rzheshesvskij ; pod red. O. A. Rzheshhevskogo. – M., 2001.
12. Lebedeva, N. S. Pol'sha mezhdru SSSR i Germaniej. 1939–1941 [Tekst] / N. S. Lebedeva // Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossijsko-pol'skikh otnosheniyakh / pod red. A. V. Torkunova, A. D. Rotfel'da. – M., 2010.
13. Mel'tyukhov, M. I. Upushennyj shans Stalina. Sovetskij Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939–1941 [Tekst] / M. I. Mel'tyukhov. – M., 2002.
14. Mirovye vojny XX veka. Kniga 3. Vtoraya mirovaya vojna. Istoricheskij ocherk [Tekst] / otv. red. E. N. Kul'kov. – M., 2002.
15. Myunkhen – preddverie vojny. Istoricheskie ocherki [Tekst] / otv. red. V. K. Volkov. – M., 1998.
16. Narinskij, M. M. Proiskhozhdenie Vtoroj mirovoj vojny [Tekst] / M. M. Narinskij // Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossijsko-pol'skikh otnosheniyakh / pod red. A. V. Torkunova, A. D. Rotfel'da. – M., 2010.
17. Sipols, V. YA. tajny diplomaticheskie. Kanun Velikoj Otechestvennoj vojny. 1939–1941 [Tekst] / V. YA. Sipols. – M., 1997.
18. Fal'sifikatory istorii (Istoricheskaya spravka) [Tekst]. – M., 1948.
19. Fomin, V. T. Imperialisticheskaya agressiya protiv Pol'shi v 1939 g. [Tekst] / V. T. Fomin. – M., 1952.
20. CHubar'yan, A. O. Sovetskaya vneshnyaya politika (1 sentyabrya – konets oktyabrya 1939 goda) [Tekst] / A. O. CHubar'yan // Vojna i politika. – M., 1999.
21. YAzhborovskaya, I. S. Katynskij sindrom v sovetско-pol'skikh i rossijskikh otnosheniyakh / I. S. YAzhborovskaya, A. YU. YAblokov, V. S. Parsadanova. – M., 2009.
22. FRUS, 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, The Far East. – Vol. III.
23. Furet F. Przeszość pewnego złudzenia, Esej o idei komunistycznej w XX w. Warszawa, 1996. – S. 393.
24. Grzełoński B. Dyplomaci USA 1919–1939. Pułtusk. – 2004.
25. Kornat M. Polska 1939 r. wobec Paktu Ribbentrop-Mołotow. Warszawa, 2002.
26. McDonough F. The Origins of the First and Second World Wars. – N. Y., 1997.
27. Żurawski vel grajewski R. P. Brytyjsko-czechosłowackie stosunki dyplomatyczne (październik 1938 – maj 1945). Warszawa. – 2008.

Bibliograficheskij spisok

1. 1939 god. Uroki istorii [Tekst] / otv. red. O. A. Rzheshesvskij. – M., 1990.
2. Vojna i obshhestvo v XX veke [Tekst] : v 3 kn. Kniga 2 / Rukovoditel' proekta O. A. Rzheshesvskij. – M., 2008.
3. God krizisa. 1938–1939. Dokumenty i materialy. – T. 1. – Dok. № 245.
4. Dann, D. Mezhdru Ruzvel'tom i Stalinym. Amerikanskije posly v Moskve [Tekst] / D. Dann. – M., 2004.
5. Dembskij, S. Proiskhozhdenie Vtoroj mirovoj vojny [Tekst] / S. Dembskij // Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossijsko-pol'skikh otnosheniyakh / Pod red. A. V. Torkunova, A. D. Rotfel'da. – M., 2010.
6. Dokumenty vneshnej politiki SSSR [Tekst]. – T. XXIII. Kn. 1.
7. Dokumenty vneshnej politiki [Tekst], 1939. – T. 22. – V 2 kn. Kn. 2: Sentyabr' – dekabr'. – M., 1992.
8. Dokumenty i materialy kanuna Vtoroj mirovoj vojny 1937–1939 gg. [Tekst] : v 2-kh tomakh. T. 2. – M., 1981.
9. Zakharias, M. Predposylki i motivy politiki YU. Beka v 1939 godu [Tekst] / M. Zakharias // Sovetskopol'skie otnosheniya v politicheskikh usloviyakh Evropy 30-kh godov XX stoletiya : sb. st. – M., 2001.